

Что будет, когда кто-нибудь усомнится в исконных традициях?

Что будет, когда столкнутся интересы многих,
в том числе магната из Фейшеса и дьявола? А что такого?

Дьявол тут тоже есть.

Nosaltresllegim

ЖАУМЕ КАБРЕ

Книга Фейшеса

18+

В переводе Александры Гребенниковой

Большой роман (Аттикус)

Жауме Кабре
Книга Фейшеса

«Азбука»

1984, 1985

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Кабре Ж.

Книга Фейшеса / Ж. Кабре — «Азбука», 1984,1985 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-34630-7

Городские воротилы делят пирог после смерти владельца текстильной фабрики, неизвестные совершают покушения на буржуа и рабочих активистов, вся страна, кроме правительства, протестует против войны, а одна девочка учится в католической школе и целыми днями грезит. Монах-органист приезжает в женский монастырь духовником и воочию видит, что бывает с людьми, когда догматы и уставы им важнее Бога, музыки и красоты, а одна девочка рвется из пут монастырской жизни, мучительно сомневаясь в своем выборе. Начинаящий вампир, истомленный жизнью Клод Дебюсси и неудавшаяся послушница, та самая девочка, впервые узнавшая, что такое любовь, встречаются в гостинной на курорте, и под угрозой оказываются не только человеческие сердца... Жауме Кабре (р. 1947) – крупнейшая звезда каталанской литературы; его книги переведены на десятки языков, их тиражи превышают миллион экземпляров, а его эпохальный роман «Я исповедуюсь» был удостоен многочисленных премий. Трилогия «Книга Фейшеса» – истоки его творчества и неизменный фон его жизни (прототипом Фейшеса стала Тарраса, родной город Кабре), романы «Паутина» и «Фра Жуной» тоже были удостоены нескольких крупных премий. Здесь революция трагична и комична, но извечный вопрос любого детектива «кому выгодно?» напрочь заглушает любую романтическую ноту, а притягательность контроля над всеми вокруг, включая самых близких, решительно неодолима. Здесь кристально ясно, что где нет музыки, не может быть и Бога, но все церковные власти одержимы желанием закопать монаха, чьи единственные грехи – крепкая вера и любовь к музыке и людям. Здесь вампир должен выбирать между подлинным знанием и любовью, а дьяволу стоит огромного труда сделать так, чтобы люди в него поверили. Впервые на русском!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-34630-7

© Кабре Ж., 1984,1985
© Азбука, 1984,1985

Содержание

Критики и пресса о Жауме Кабре	7
Паутина	12
1	14
2	17
3	20
4	24
5	25
6	30
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жауме Кабре

Книга Фейшеса

Jaume Cabré

LA TERANYINA

Copyright © Jaume Cabré, 1984

FRA JUNOY O L'AGONIA DELS SONS

Copyright © Jaume Cabré, 1984

LUVOWSKI O LA DESRAÓ

(from LLIBRE DE PRELUDIS)

Copyright © Jaume Cabré, 1985

All rights reserved

© А. С. Гребенникова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Критики и пресса о Жауме Кабре

Жауме Кабре – писатель, чьи работы стали поворотными для целой эпохи.

El Temps

Жауме Кабре – один из самых ярких наших писателей.

Мартин Шульц, президент Европейского парламента

Жауме Кабре – создатель обширной галереи незабываемых персонажей, которые остаются с нами надолго.

Сэм Абрамс, Centre Català del PEN Club

В отличие от обычных влюбленных, люди, влюбленные в книги, могут безнаказанно делиться своей страстью, не рискуя выглядеть больными. Что я и делаю: сию секунду бросьте читать эти строки, бегите в ближайший книжный и купите там любую книгу Жауме Кабре. Прошу извинить мне повелительный и слегка лихорадочный тон. Ничего не поделаешь: мы все знаем, что такова уж любовь.

Estandarte

Два романа Жауме Кабре, («Паутина» и «Фра Жуной, или Агония звуков»), составляют первые две части трилогии, где действие происходит в мифическом городе Фейшесе и его окрестностях. В «Паутине» речь идет об интригах и борьбе за власть, которые разворачиваются вокруг городской текстильной промышленности во время «Трагической недели». Во «Фра Жуное» мы видим борьбу совершенно иного рода, и она, хотя и бескровна, тоже крайне жестока: здесь герой вынужден выступать еретиком перед лицом религиозной ортодоксии и нетерпимости.

El País o «Паутине» и «Фра Жуное, или Агонии звуков»

Все события здесь подчиняются строгой каузальности, однако временная шкала лишена механистичности и линейности: история рассказывается краткими фрагментами, словно ее течение возможно различить лишь в бурных водоворотах... Мощь этих фрагментов неслучайна – она рождена подлинным талантом рассказчика, – и тем они ценнее: каждый осколок истории проживается, интернализируется.

Avui o «Паутине»

Монаха отправляют духовником в удаленный от мира женский монастырь, а спустя несколько лет обвиняют в наихудших грехах: ереси, нарушении тайны исповеди, дурном влиянии.

У этой истории есть все задатки хоррора. И это увлекательнейший роман, где есть жажда власти, и невзгоды, и мелочность духа, которая прикидывается смирением и жертвенностью, и невежество – зачастую синоним слепой веры, которая не умеет и не желает критично взглянуть на собственные догматы...

Что будет, когда в монастыре объявятся послушницы, для которых строгое соблюдение обетов и полная нищета – кара, а не путь к Господу? Что будет, когда кто-нибудь усомнится в исконных традициях? Что будет, когда

столкнутся интересы многих, в том числе магната из Фейшеса и дьявола? А что такого? Дьявол тут тоже есть.

Прочтите «Фра Жуноя, или Агонию звуков» – вам гарантированы несколько часов абсолютного счастья.

Nosaltreslegim

В романе «Фра Жуной, или Агония звуков» Жауме Кабре создал очень тщательно выписанное и новое для каталанской литературы пространство... Фра Жуной, прогрессивно мыслящий и внутренне развивающийся, выступает против норм, которые ему представляются бесплодными и душными, и тем самым – против матери настоятельницы. Перед нами два взгляда на проживание и понимание религиозных практик, и подлинный конфликт в романе – контраст власти, с одной стороны, и диалектики терпимости – с другой.

Avui o «Фра Жуное, или Агонии звуков»

«Любовский, или Безрассудство» – самая важная часть трилогии о Фейшесе... Событийный ряд помещает ее в финал, однако было бы непростительно пренебречь хронологией: из этой новеллы вырос весь цикл. «Любовский, или Безрассудство» развивает сюжет из рассказа, опубликованного еще в 1977 году: начинающий вампир и безымянная послушница впервые появляются там. Женская фигура в этом раннем рассказе была представлена так ярко, что в итоге породила целый мир – мир Фейшеса, а с ним и всех прочих персонажей. То есть «Любовский, или Безрассудство» – начало, но вместе с тем завершение, и все благодаря Аделе Турмеде, на которой строится четкая, внятная связь, протянувшаяся от «Паутины» через «Фра Жуноя» к «Любовскому». Все эти тексты возникают и вырастают из эволюции Аделы, хотя Адела даже не главная героиня.

El País o «Любовском, или Безрассудстве»

Эпик запредельных масштабов, где в конце всех дорог нас поджидает Зло.

Bibliobs o «Я исповедуюсь»

Этот роман, густая и душераздирающая исповедь стареющего человека, объемлет весь хаос истории и памяти.

Télérama o «Я исповедуюсь»

«Я исповедуюсь» – роман-гигант, сложный, плотный и невероятно богатый.

La Libre Belgique o «Я исповедуюсь»

Восемь лет труда, почти восемьсот страниц, сотни сюжетных линий и персонажей, история, которая охватывает период с XIV до XXI века, Испанию, Германию, Париж и Рим. «Я исповедуюсь» – поистине роман-великан, который вобрал в себя всю машинерию нашего мира и все литературные жанры.

L'Express o «Я исповедуюсь»

С этим шедевром Кабре достигает высот литературы.

Le Figaro littéraire o «Я исповедуюсь»

В этом поразительном романе натянута ариаднина нить абсолютного текста.

El País о «Я исповедуюсь»

Роман Кабре относится к категории книг, чье содержание и отточенный, изобретательный стиль завораживают читателя.

Le Monde des Livres о «Я исповедуюсь»

Читая эту книгу, вы понимаете, что перед вами шедевр. Пора признать, что Жауме Кабре – одна из величайших звезд в мировой литературе.

Que' Leer о «Я исповедуюсь»

«Ваша честь» – порождение блестящей фантазии, но превыше всего – очень необычного критического переосмысления (жанра исторического романа).

El Temps о «Вашей чести»

В романе «Ваша честь» читатель найдет не только безукоризненно воспроизведенную картину эпохи, но и переживания загнанного в угол человека, чья жизнь рушится под тяжестью вины. Он, как крыса, попавшая в ловушку, мечется, пытается избежать опасности, но все равно оказывается раздавленным. Таким образом, перед нами предстает весь путь от высокомерия и презрения к низостоящим до унижения и поражения, причем герой романа низвержен не по чьему-то злому умыслу, а потому, что система, которая вознесла его на вершину, насквозь прогнила. Мы потрясены зрелищем падения вельможи, его унижения и поругания, этой агонией бесчестия и стыда. Причем этот опыт мы проживаем изнутри, что делает Рафеля Массо объектом нашего презрения и жалости.

Рамон Пла-и-Арксе о «Вашей чести», издание в серии «*Biblioteca Jaume Cabré*»

Мастерство Кабре – художника, изобразившего Барселону на заре XIX века, – мощью воплощения персонажей и атмосферы напоминает Бальзака.

El Temps о «Вашей чести»

Великолепный роман об искусстве, о музыке, о смысле человеческой жизни.

Visat / PEN Català о «Тени евнуха»

Роман показывает нам, как, глядя в прошлое из настоящего, мы становимся людьми, обретаем свое лицо, свою историю.

Жорди Марругам («*Narrativa catalana de la postmodernitat*») о «Тени евнуха»

«Зимний путь» – пантональный шедевр, контрапунктический канон, чьи многочисленные музыкальные темы, включая пропавшее полотно Рембрандта, непрочитанные тексты и безответную любовь, сгущаются воспоминанием о хрупкости любви и красоты в тени неминуемой смерти.

World Literature in Review о «Зимнем пути»

«Зимний путь» – книга глубокая, многогранная и смелая; она выстроена с точностью до миллиметра, она пропитана и сплавлена в единое целое недвусмысленной музыкальностью... В этом лаконичном сборнике уже

таится зерно будущего монументального труда: спустя одиннадцать лет мир, описанный здесь, расцветет романом «Я исповедуюсь».

Totxanes, totxos i maons o «Зимнем пути»

С иронией, силой, болью и страстью, страница за страницей, рискованно играя пластами времени и ракурсами, Кабре ведет нас извилистым лабиринтом судеб.

L'Unita' o «Голоса Памано»

Жауме Кабре – подлинный мастер драмы, а «Голоса Памано» – вершина современной классики.

hr-online o «Голоса Памано»

Здесь под грозовыми небесами живут наемные убийцы; брошенные дети, в которых зреет семя насилия; писатели, грозящие своим издателям наложить на себя руки; похитители картин, похищенные картинами... Ни одной естественной смерти вы в этой книге не найдете.

El País o «Когда наступит тьма»

Путешествие в самые темные закоулки души. «Когда наступит тьма» – книга о злодеях, о тех, кто причиняет боль; вот почему смерть здесь всегда маячит за ближайшим углом. Перед нами целая галерея персонажей, рожденных, чтобы стать хищниками (или жертвами); и логично, что все эти люди – мужчины.

Totxanes, totxos i maons o «Когда наступит тьма»

Эта великолепная книга читается с восторгом (и страстью) от первой до последней страницы. Что гораздо важнее, она заражает нас ни с чем несравнимым наслаждением от чтения – готовит и зовет к другим великим шедеврам.

El racó la paraula o «Когда наступит тьма»

Кабре воспевает воображение, способность языка именовать – или прятать – сущее, улавливать вспышки жизни, гибнущей, как опаленные огнем ночные мотыльки. Он обращается к мифу об Икаре и говорит о наследии, о естественном обновлении. Что происходит, когда молодое поколение – любого биологического вида – берет на себя задачу вести остальных вперед, рассказывая новые истории?

El Periódico o «И нас пожирает пламя»

«И нас пожирает пламя», плод невероятной творческой свободы, весь построен на переносе и ассоциациях и ярко высвечивает хрупкость человеческого сознания, его нутряную, животную суть.

La Vanguardia o «И нас пожирает пламя»

Перед нами типичный Кабре (так по мазку кисти мы узнаём Пикассо, по звучанию скрипки – Вивальди): чередование рассказчиков, постоянные скачки во времени внутри одного предложения, диалоги поперек времен и пространств, говорящие имена, блестящие фразы, великолепные, ужасно смешные диалоги и фантазия, подсвеченная всполохами реальности.

La Veu dels llibres o «И нас пожирает пламя»

Этот роман вибрирует громами и молниями библейских масштабов.
Núvol o «И нас пожирает пламя»

Здесь есть сюрпризы, невероятные рассказчики, обаятельные кабаны... и все это вплетено в притчу о мотыльках, которые рискуют сгореть, чересчур приблизившись к свету. Кабре с наслаждением перемешивает интригу, драму и юмор. Роман вращается точнейшим механизмом, и он цепко улавливает и держит читателя.

Público o «И нас пожирает пламя»

Паутина

Маргариде
Моему отцу

Автор воспользовался широко распространенным в литературе приемом и изменил некоторые второстепенные имена и обстоятельства, дабы избежать нареканий. Вся правда о событиях, которые были названы в прессе «Делом мануфактуры Ригау» или «Проклятием рода Ригау» и потрясли общественное мнение не только в городе Фейшесе, но и далеко за его пределами, до сих пор никому не была известна. Всегда находились люди, готовые все переиначить, а всеобщее неведение помогло им остаться безнаказанными. Сегодня у читателя есть возможность проследить извилистый путь, проложенный коварными умами, и попытаться обличить виновных до того, как на них укажет ход событий.

Казнь должна была состояться на рассвете. Осужденный всю ночь не спал и сидел на топчане, опустив голову, устремившись мыслями в непостижимые бездны. Время от времени он протягивал перед собой дрожащую руку и с каким-то изумлением ее разглядывал. Его заставили облачиться в белую рубаху, очень мягкую. Она болталась на нем, как на палке, и, хотя дело было в середине августа – жара стояла нестерпимая, – время от времени на него нападал озноб и он покрывался гусиной кожей.

В застенках Монжуика было не продохнуть. Военные суды работали в ускоренном режиме, и приговоренных к расстрелу выводили из забитых до отказа камер. Их размещали в отсыревшем липком коридоре, выходившем на запад: там чувствовался запах близкой смерти.

Надзиратель молча наблюдал за человеком в белой рубахе. Тот снова и снова пытался раскурить трубку, и ничего больше его в последние часы не интересовало. Он трижды яростно отказывался разговаривать со священником и все три раза плевал на землю. В конце концов, ему уже давно было безразлично, жить или умирать. Столько ужасов творилось вокруг, что одной смертью больше, одной меньше, ничего не меняло. Прошло всего четыре коротких дня с тех пор, как его под строгой охраной доставили в Барселону, а оттуда на Монжуик. Теперь поведут из вонючего коридора ко рву, а после никогда уже не будет ничего.

В пять утра сержант с угрюмым лицом объявил, что час настал. Заключенный взглянул на него с топчана, попросил стакан воды, жадно выпил и поднялся, готовый покончить со всем раз и навсегда. Трубку он продолжал сжимать в руке и после того, как ему связали запястья.

Небо, которое осужденный созерцал в последний раз, лениво озарялось первыми лучами еще невидимого солнца, которое все не решалось взойти. Город у подножия горы спал равнодушно. Под конвоем человек в мягкой рубахе со связанными за спиной руками подошел к расстрельной стене в восточной части крепости. Металлический лязг оружия и скрип солдатских ремней нарушали вселенскую тишину зари.

Когда взвод занял свои места, а начальство и раздосадованного священника оттеснили в сторону, человек отказался от черной повязки, которую протянул ему офицер. «Я хочу увидеть восход солнца», – сказал он. *¿Cómo dice?*¹ – переспросил офицер. «Нет, не завязывайте мне глаза», – настаивал тот, мотая головой. Офицер пожал плечами: *Como quiera*², – и вернулся на место. Он вынул саблю из ножен и устремил взгляд на восток, к морю, к линии горизонта. Тишина была такой глубокой, что, казалось, можно услышать, как солнце, разрывая недра ночи, взбирается, чтобы выглянуть над горизонтом.

¹ Что вы сказали? (исп.) – Здесь и далее примеч. перев.

² Как хотите (исп.).

* * *

В пятнадцать минут шестого алый язычок лизнул море на востоке. Густая, зловонная сеть, опутавшая добрую половину расположенного в сорока километрах от Монжуика города Фейшеса, вот-вот должна была окончательно затянуться. Бесчисленные нити убийств, шантажа и обмана, составлявшие эту гнусную паутину, готовы были сойтись в одной дыре, куда легко просунуть руку, на уровне сердца человека. Тот умирал: он наконец все понял, увидел, как снует туда-сюда челнок и тянет нить, и попытался разобраться в том, что происходит, кто здесь верховодит, кто наживается на бесцельных смертях. В кровавой дыре рождалось глубочайшее безмолвие смерти: единственное, чего жаждали те, по чьей вине завязалось злополучное дело мануфактуры Ригау. Безмолвие, а с ним и покой.

1

Колокола Фейшесского собора били «динь» и устало откликались «дон»: так всегда провожают покойных в последний путь. Тусклый, металлический звон отражался от густых, набухших туч, что плыли над городом, ударялся о стены домов и проскальзывал в щель неплотно закрытой балконной двери особняка Ригау. Балкон вел в переполненную гостиную: люди тихо переговаривались, вполуха слушая друг друга и краем глаза следя за соседней комнатой, где теплился тусклый свет.

Адела не обращала внимания на глухой звон колоколов. Она глядела на застывшее в мрачном оцепенении безжизненное тело деда и думала. В большой гостиной не умолкали разговоры: важные господа в цилиндрах, с густыми бородами и суровыми голосами, съехались сюда, чтобы отдать дань уважения покойному Франсеску Ригау, удостоенному золотой медали города, именитому патрицию и основателю небольшой текстильной империи.

Время от времени кто-нибудь заходил в комнатку и через несколько минут незаметно ретировался. До слуха девочки донесся монотонный гул за стеной: где-то в доме читали молитвы по усопшему. Ей лучше было и дальше сидеть в одиночестве – и чтобы попрощаться с дедом, и потому, что глаза были полны слез, а других носовых платков не осталось.

Сеньор Жулиа Ригау казался частью гостиной: его нарочитая отстраненность гармонично сливалась с чопорной сдержанностью именитых особ на портретах у камина. В вычурных настенных консолях с рогами изобилия и в мутных, тусклых зеркалах отражались его седоватая шевелюра и вздувшаяся вена на шее: вена эта вздувалась всякий раз, когда старик бывал изрядно озабочен. Ему пришлось прервать полезный разговор с сеньором Серраделем – недобрым человеком и опасным конкурентом с обширными связями, – как только в дверях показался сеньор Гавальда. Ригау поспешил его перехватить: со смертью старшего брата назревало принятие важнейшего решения. Предстояло довести дело до конца. Прихрамывая и переваливаясь с ноги на ногу, он устремился на другой конец зала и чуть не наткнулся на кресло: оно обычно стояло вовсе не там, но в погребальной суматохе оказалось возле полки со статуэтками из коллекции сестры.

С печальной миной выслушав соболезнования Гавальды, Ригау приготовился никуда его от себя не отпускать весь вечер. Постоял с ним перед телом покойного – полминуты, не больше. Потом увел в уголок гостиной и предложил выпить рюмочку ратафии, от коей сеньор Гавальда с мученическим видом отказался, приложив ладонь к животу.

– Нам с вами ясно, друг мой Гавальда, что жизнь идет вперед, как ни горька утрата... – ораторствовал Ригау.

– Да-да, сеньор Ригау, я всецело доверяю вашему суждению, во всех отношениях. – Тут Гавальда нацепил пенсне, чтобы яснее видеть существо вопроса.

Присяга верности была принесена: Жулиа понимал, что теперь правая рука Франсеска служит ему. А потому продолжал, пользуясь небольшой передышкой, пока никто не подходил с соболезнованиями:

– Дело в том, что как раз вчера вечером, незадолго до того, как отойти на покой, бедолаге Франсеску предложили одно дельце. Мне кажется, он предпочел бы о нем забыть, но мне оно по душе. Необходимо срочно дать ответ, понимаете? Самое позднее в пятницу сказать, что мы согласны.

– Но ведь пятница завтра.

Сеньор Жулиа был несколько ошарашен, но ловко продолжил:

– Вот поэтому и говорю: надо обсудить это сегодня, Гавальда.

– Сегодня? Как?

– Прямо здесь. Другого выхода нет.

Сеньор Гавальда в недоумении согласился. Еще не договаривая, хозяин фабрики давал понять: необходимо заручиться поддержкой большинства членов совета директоров, дабы избежать разногласий сами знаете с кем. Гавальда заверил, что на сеньора Серру можно положиться, если затея – тут он улыбнулся – не полное безумие. И снял пенсне, чтобы лучше вникнуть в суть таинственного предложения.

Жулиа Ригау вкратце изложил дело. Он был слегка напряжен, поскольку пора было прощаться с уходящими гостями, но доволен, что заполучил важного союзника.

Довести беседу до конца им не удалось: не успел Ригау без церемоний отделаться от Суккарратса, как появился сеньор Аркади Коста, скользкий тип, похуже Серраделя, с которым следовало держать ухо востро.

– Какая утрата для всех нас, Ригау. – Сеньор Коста важно похлопал его по плечу, каждым уверенным движением показывая, что он здесь главный. – Великий был человек, поверь мне.

Жулиа Ригау сжал зубы и с вымученной улыбкой стал выслушивать посмертные хвалы, которые безжалостный стервятник Коста возносил покойному – такому же хищнику, как и он сам: смерть превратила его брата в достойного ностальгических дифирамбов благостного мужа.

Во всех углах гостиной присутствующие то и дело заговаривали между собой о ситуации в стране, о стычках с маврами, угрозе войны, нелепом мобилизационном законе Линареса³ и этой невыносимой духоте. Когда поблизости появлялся кто-то из родни дона Франсеска, все скорбно склоняли головы, изображали печальную улыбку, а после продолжали толковать о том, что мы забыли в этой Африке.

Сеньорите Мерсе Ригау было жаль покойного брата, но она с удовольствием отметила про себя, что поминальная церемония проходит пышно. Приподняв выщипанные в ниточку брови – неизменный знак напряженных раздумий, – Мерсе сосредоточенно оглядывалась вокруг, стараясь ничего не упустить. Она знала, что все те, кого она ни за что не пригласила бы в гости, рады воспользоваться предлогом бесцеремонно пролезть в открытую дверь, лишь бы безнаказанно сунуть нос в чужие дела. Кто бы ни умер, такое происходит всегда, и везде нужно поддерживать порядок, чтобы не дать злым языкам повода для пересудов. Хорошо, что Мадрона сразу вызвалась помочь. Окинув гостиную взглядом, хозяйка вздохнула: опять этот полоумный племянничек, Энрик, сидит в одиночестве, погруженный в какие-то нелепые мысли.

Полоумного племянничка мучила изжога. Энрик Турмеда уже несколько минут с тревогой следил за тем, как сеньор Жулиа вьется вокруг Гавальды, и был уверен, что оба что-то затевают. Он понимал, что со смертью тестя лишился покровительства, и изо всех сил пытался предугадать, откуда ждать беды. Лишь дочь связывала его с семейством Ригау. Да еще, пожалуй, все то, что ему было известно о происшествии на Филиппинах: если вдуматься, дело могло бы разрастись до серьезных масштабов. Лишь бы на этом не обжечься.

Сеньор Жулиа Ригау снова направился в противоположный конец зала, едва не задев сидящего неподалеку родственничка. Они даже не взглянули друг на друга. Энрик встал и пошел за дочерью в комнату, где покоился усопший. Турмеда с ног валился от усталости, а главное, не знал, куда себя деть. До него доносился гул женских голосов: читали розарий⁴. С порога он бросил взгляд на большой зал: кроме прислуги, там оставались только мужчины, собравшиеся в небольшие группы и тихо беседовавшие о вещах, далеких от смерти, будто дом

³ *Арсенио Линарес-и-Помбо* (1848–1914) – генерал-лейтенант армии, занимавший пост военного министра Испании в 1900–1901, 1902–1903, 1903–1904 и 1909 годах, член Государственного совета, пожизненный сенатор. 1 марта 1909 года в четвертый и последний раз был назначен министром войны. По приказу Линареса подразделения резервистов-каталонцев были направлены в Марокко для участия в военных операциях, что привело к забастовкам и антимилитаристским выступлениям, сопровождавшимся баррикадными боями и погромами церквей в Барселоне и ряде других городах Каталонии во время «Трагической недели» 1909 года.

⁴ *Розарий* – короткий цикл молитв, который читается группой, по четкам; первый человек начинает: «Радуйся, Мария», – а остальные откликаются: «Благодати полная, Господь с Тобою...» и т. д., много раз подряд.

Ригау был продолжением Клуба воротил⁵. В одной из групп заправлял Серрадель, в другой Коста: оба, как всегда, задавали тон разговору. Энрик пожал плечами. Хозяева городской промышленности ему не нравились. По его мнению, они были невежественны и держали в руках бразды правления лениво и убого. Сеньор Турмеда полагал, что власть немислима без чувства прекрасного и должна сочетать изящество, твердость, уверенность, достоинство и дальновидность – то, что придает ей подлинное величие. Не многие это понимали. Неотесанный дядюшка и большинство его коллег правили так, словно справляли нужду. Со вздохом Энрик отвернулся и направился в комнату:

– Доченька, нам пора.

Вновь входя в гостиную, Энрик едва не столкнулся с Гавальдой. Оба сухо кивнули, и Гавальде даже не пришло в голову выразить соболезнования. Турмеда крепко взял дочь за руку и остановился у группы, где, как он заметил, обсуждали этого болвана по прозвищу Нищета и его демагогические речи.

– Дядюшка, я увожу Аделу.

– Да-да. Иди, милая. – Ригау ущипнул девочку за щеку, и та отстранилась. – Иди попрощайся с тетушкой. Кстати, чуть не забыл, Энрик, – продолжал он, не меняя тона. – Через час мы встречаемся здесь. Я уже всех предупредил.

– К чему такая срочность? Разве нельзя отложить заседание на завтра?

– Нет, дело не терпит отлагательств.

– Мне хотелось побыть с дочерью.

– Делай как знаешь. Если решишь не приходить, не жалуйся потом.

– Понятно; обязательно приду.

Сеньор Турмеда сгорал от любопытства. Он и так никогда не пропускал заседаний совета директоров, а тем более сейчас, когда было ясно: дядюшка и Гавальда что-то затевают.

Дочь вышла из комнаты, где читали розарий, унося на одной щеке поцелуй тетушки, на другой поцелуй сеньоры Мадроны; в ушах у нее все еще раздавались жалостливые вздохи всех остальных женщин. Ригау проводил их до дверей. Именно сейчас уходить Энрику и не хотелось. Ему казалось, что без него Жулиа будет только удобнее плести интриги.

– До свидания, дядюшка, – сказал он на прощание.

Голос его звучал с вымученной естественностью. Начинало темнеть. Солер со скучающей миной зажигал фонари двуколки.

– Домой, Солер, – бросил сеньор Турмеда, когда они усаживались в коляску.

Дорогой, до смешного короткой, он размышлял, что, в сущности, не стоило заставлять Солера весь день томиться в ожидании. И признался себе, что принял такое решение лишь потому, что был заранее уверен: у дома Ригау выстроится целая вереница экипажей и присутствие его двуколки среди них может сыграть ему на руку.

Все ухищрения пропали втуне. Энрик был удручен. Он мечтал, что богатство тестя достанется его дочери, но по завещанию все переходило к Жулиа, а тот, ко всему прочему, обладал отвратительно крепким здоровьем и из кожи вон лез, чтобы не дать Турмеде ни крупинки семейного состояния.

⁵ *Клуб воротил*, а также упоминающийся ниже *Клуб коммерсантов* – закрытые клубы промышленников и деловых людей города Фейшеса. В прототипе Фейшеса, городе Таррасе (Террасе), где Жауме Кабре вырос и где были впоследствии написаны и «Паутина», и «Фра Жуной, или Агония звуков», Клуб воротил располагался в здании Большого Казино.

2

На вокзале было почти безлюдно. У дальнего конца перрона, словно пытаясь дать понять, что он тут ни при чем, пыхтел паровоз. Дым висел в воздухе клочьями грязной ваты, но Меркадер его не замечал. Рабочий был слишком поглощен тем, чтобы по порядку вспомнить все полученные инструкции. Прислонившись к одной из колонн, поддерживавших навес над перроном, он не спускал глаз с немногочисленных пассажиров, которые готовились к посадке. Неспешно, с равнодушным видом прошелся вправо и влево и окончательно убедился, что за ним никто не следит. Увидев, как начальник станции с красным флажком готов дать сигнал к отправлению, напрягся, готовый к рывку. Раздался звонок, поезд нетерпеливо засвистел, начальник развернулся и направился на другой конец перрона, к паровозу. Меркадер запрыгнул на площадку второго вагона. И в тот же миг ощутил толчок – поезд тронулся. Из тамбура рабочий прошел в вагон. Тот был на удивление пуст – хотя нет: в дальнем конце угадывалась пара шляп. Два собеседника за разговором. Меркадер сел лицом по ходу движения, у самой двери. Ощупал бороду и подумал, что с чужими волосами на подбородке выглядит чрезвычайно смешно. Но тут же решил, что сейчас это не страшно: так его никто не сможет узнать. А значит, никто и потешаться над ним не станет. Точно.

Редкие домики у путей понемногу уплывали назад. Поезд двигался вперед рывками, как будто разогнаться стоило ему невероятных усилий. Хотелось задремать под монотонный стук колес, тудух-тудух, но тут Меркадера снова начала мучить мысль, почему, черт возьми, именно ему поручено это дело; может быть, это просто испытание перед более рискованными заданиями.

Они уже выехали за город. Делать ничего не оставалось, только ждать. Ждать, что незадолго до прибытия на станцию Монкада кто-то подойдет и скажет: «Что, любезный, дымом дышать – здоровью вредить?» И нужно ответить: «Да, господин хороший, потому-то я и не курю». Чушь какая-то. Глупости. И с этого момента снова ждать указаний. Что же я, тьфу ты, всю жизнь так и проживу, исполняя чужие приказы? И кто же, интересно, связной? Может, те двое в глубине вагона.

Дверь открылась, и грохот колес по рельсам стал громче. «Ну вот, это он», – подумал Меркадер, приподнимаясь на сиденье, готовый ответить, мол, да, господин хороший, потому-то я и не курю. Вошедший обливался потом, он был полноват, смотрел на Меркадера без малейшего интереса, в левой руке держал небольшой чемодан и был одет в серое. Он с шумом захлопнул дверь, тут же переключил внимание на что-то другое и сел неподалеку, по другую сторону прохода. «Почему он молчит?» – удивился Меркадер. Искоса взглянул на попутчика. Тот поставил чемодан на колени, придерживая его руками, и рассеянно смотрел в окно, будто остальные немногочисленные пассажиры вагона его совершенно не занимали.

Дверь снова открылась. «Может, теперь это он?» Но оказалось, контролер. Меркадер полез за билетом, но тот прошел мимо – билеты он пока не проверял. Хлопнула дверь за спиной: вероятно, контролер ушел в другой вагон. Увлеченный игрой в угадку и попытками вычислить нужного человека, Меркадер не знал, мимо каких поселков проезжает: поезд стрелой летел вперед, и пейзажи за окном равнодушно скользили мимо. На следующей станции в дверь, за которой он следил, вошли две женщины. Вагон наполнился их смехом. «Крестьянки, видно, едут куда-то или возвращаются», – подумал Меркадер. Попутчик неподалеку по-прежнему смотрел в окно, как замороженный. Паровоз выпускал густые клубы дыма, и это встревожило Меркадера: любой, кому вздумается поболтать, мог ляпнуть что-нибудь про дым, а он-то как разберет, с умыслом или нет. Хотелось закурить трубку, но он удержался – мало ли что.

За спиной послышался шум – кто-то вошел через другую дверь. Ясно слышалось, как щелкает машинка контролера, пробивая билеты. Меркадер приготовил свой и подумал, что,

если этот толстяк и есть связной, он, скорее всего, ждет, пока контролер уйдет, чтобы заговорить про дым. Людей в вагоне было мало, но контролер не спешил: остановился поболтать с крестьянками. «Видно, часто ездят, вот и знакомы», – решил Меркадер. Делать было нечего, да и контролера приходилось дожидаться, и он принялся подслушивать их разговор. Ничего особенного. «Ну что сегодня?» – спрашивали женщины. А контролер: «Говорят, дела совсем плохи, особенно в Барселоне». «То-то и оно, – подумал Меркадер, – все только об одном и толкуют. Ни о чем другом речи нет. Даже эти крестьянки, которым, казалось бы, все равно. Или не все равно? Если верить слухам, через пару дней полмира завербуют и, как пить дать, отправят с тощим вещмешком в Африку: того гляди, и бедолагу Рамона туда пошлют, и других ребят»⁶.

Он провел рукой по лицу, погруженный в свои мысли. Контролер уже стоял рядом, но сперва подошел к мужчине с чемоданом, прокомпостировал его билет и поздоровался с ним, как с давним знакомым. Пассажир – все еще потный, неужели связной? – похоже, был не из разговорчивых, но на приветствие ответил. Тем временем Меркадер снова отвлекся, задумавшись о своем. Контролер приблизился:

– Что, любезный, дымом дышать – здоровью вредить?

– Как? Что? Что вы сказали? – переспросил рабочий, протягивая билет.

Контролер взял билет, пробил его и, возвращая, повторил:

– Что, любезный, дымом дышать – здоровью вредить?

Меркадер взял билет, удивленно его разглядывая. Затем в изумлении уставился на контролера, который все еще стоял рядом. Наконец до него дошло:

– Точно, не годится. То есть да, любезный, потому-то я и не курю. В смысле, господин хороший.

Сказал он это слишком громко, и ему показалось, что его услышал весь вагон. Контролер раздраженно скривился, будто намекая, что с такими типами далеко не уедешь. И жестом попросил его выйти в тамбур:

– Через пять минут. Идет?

Меркадер кивнул – что еще оставалось? Контролер скрылся за дверью, а Меркадер выждал немного, прежде чем встать, небрежно буркнуть, что, мол, пойду разомну ноги, убедиться, что никто не обратил на него внимания – да и не услышал его, похоже, – пожать плечами и открыть дверь в тамбур. Там его ждал контролер. Он махнул рукой, чтобы Меркадер прошел в другой вагон. Тот послушался. Контролер прокричал ему в самое ухо, перекрикивая шум поезда:

– В этом вагоне, в уборной. Корзина тяжелая, осторожно. В свой вагон не возвращайся, останься здесь. Ясно?

Меркадер кивнул и не успел моргнуть, как контролер исчез.

В уборной он, словно замороженный, уставился на отверстие в полу: внизу мелькали шпалы. Корзина стояла в углу. Он подхватил ее и, пошатываясь, выбрался из тесного закутка. Затем вошел в вагон, указанный контролером. Там тоже было мало народу. Меркадер сел у двери и стал ждать следующей станции. Это был Сабадель. Он никогда раньше не доезжал до этого города по железной дороге. И если честно, вообще садился в поезд всего три или четыре раза в жизни и ездил всегда на север. Вместе с ним вышло человек двадцать, он смешался с толпой и, покинув вокзал, выждал несколько секунд, затем вернулся; купил билет и вышел на перрон. Поезд, который должен был отвезти его домой, уже стоял на станции, готовый к отправлению. Рабочий забрался в вагон, не оглядываясь, не проверяя, не следит ли кто за ним: «А если он уедет без меня, то что?» Поезд тронулся, а Меркадер так и не вспомнил, что перед

⁶ Во время военного конфликта 1909–1927 годов испанский гарнизон в Марокко формировался из солдат, набранных как из местного населения, так и из жителей метрополии, которых в ряде случаев отправляли на передовую для защиты отвоеванных позиций. В частности, в состав Африканской армии входили элитные подразделения сухопутных войск из материковой Испании, которые направлялись на службу в Африку на ротационной основе.

тем, как сесть, надо было убедиться, что за ним нет слежки, что никто не заметил его странных хождений туда-сюда по вокзалу. Корзина здорово оттягивала руку: «Если меня сцапают с этой штукой, пиши пропало». Он даже подумал, не выкинуть ли ее на рельсы, если дела пойдут худо.

Как он ни опасался всего на свете, при пересадке ему даже в голову не пришло вести себя осмотрительнее; он так боялся опоздать на поезд, что не заметил человека, сидевшего на скамейке, прикрываясь раскрытым «Бруси»⁷. Тот не читал, а внимательно следил за передвижениями Меркадера с корзиной. Когда состав, жалобно скрипя, тронулся, неизвестный только перевернул страницу для виду. «Счастливого пути», – процедил он себе под нос.

⁷ Популярное название «Ежедневной газеты Барселоны» («Diario de Barcelona»), основанной в 1814 году Антони Бруси-и-Мирабентом.

3

Девять вечера: по небу разлилась мертвенная бледность предгрозовой ночи. В доме Ригау почти везде потушили лампы, на улице осталось всего несколько экипажей. В комнате, отведенной для усопшего, в гробу отбивает вахту дон Франсеск Ригау под присмотром сестры, сеньоры Мадроны и еще четырех ее подруг. Женщины недовольны: за стеной кто-то невнятно шушукается. Это совет директоров мануфактуры Ригау собрался на заседание, чтобы залатать прореху, оставленную всеведущей смертью.

Сеньор Жулиа Ригау восседал в кресле с широкими подлокотниками, упиваясь властью: он был на коне. Но нога ныла – весна давала о себе знать, – и фабрикант внимательно следил за реакцией присутствующих, особенно Серры, который твердил и твердил: «На мой взгляд, это рискованно, неосмотрительно». Серра размахивал трубкой, указывая на опасность, словно она притаилась в центре зала, над кофейным столиком: «Кто может поручиться, что никто не спросит, куда идет эта ткань? Шутка ли, шинельное сукно, обмундирование. Это может обернуться против нас». Сквозь дымовую завесу доносился низкий голос Ригау, настаивавшего: «Тысяча чертей, Серра, вы должны радоваться, что станки наконец заработают на полную мощность. Это не первый наш военный заказ. Тысяча чертей, Серра». Выходит, этот болван Гавальда так и не сумел переубедить его перед заседанием, хоть и клялся, что все уладит, если только дать ему поговорить с Серрой. Никому нельзя верить, думал Ригау.

– Обстоятельства изменились, сеньор Ригау, – упорствовал Серра. – Нынче беспокойно. В цехах зреет недовольство.

Трусые, думал сеньор Ригау, все они трусы. А вслух сказал:

– Эти бездельники из «Солидарности»⁸ уже засели в мэрии, так пусть они политикой и занимаются. А мы промышленники, и всё тут. Мы даем людям работу, Серра, тысяча чертей. От нашего сукна не зависит, кончится ли война, если она вообще начнется.

Гавальда, с несколько пристыженным видом придерживая пенсне, вмешался: послушайте, Серра, правительство выделило специальный кредит, и армия не может позволить себе роскошь нам не платить. Вы меня поняли. А предприятию это даст возможность встать на ноги.

– Даже если бы он болел, Мерсе, все равно тяжело смириться, дорогая.

– Вот именно, милые. А теперь представьте, с его-то здоровьем. Еще два дня назад никто, поверьте мне, никто не мог такого вообразить.

Когда у сеньора Ригау вздувалась вена на шее, это означало, что дела плохи.

– Если мы не возьмемся за этот заказ, – стучал он тростью об пол, – его заберут Серрадель или Коста. А такого я не допущу. К тому же, тысяча чертей, Серра, мы с покойным братом уже давно это обдумывали.

– Но решения так и не приняли.

Серра тут же раскаялся в своей неосторожности, а сеньор Суккарратс оцепенел от страха. Ригау сделал вид, что не расслышал.

– На прошлой неделе я переговорил с одним знакомым из интендантства⁹, – самодовольно продолжал он, – и убедил его: заверил, что у нас на складе уже тысячи метров нужного им сукна. Он, конечно, не мог принять такое за чистую монету, но нос воротить не стал. Через неделю мы сможем организовать поставку, а его, уверяю вас, я убедил. – Он начертил недокуренной сигарой в воздухе какие-то неразборчивые знаки, и Энрику Турмеде стало ясно, что

⁸ «Каталонская солидарность» («Solidaritat Catalana») – союз политических партий различных идеологических направлений, существовавший в 1906–1909 годах и отстаивавший националистические требования Каталонии; первоначально пользовался значительным успехом среди избирателей, но в 1909 году пришел в упадок.

⁹ *Интендантство* – система хозяйственного и прочего тылового снабжения армии.

речь идет о приблизительном размере взятки. – Мы получили телеграмму сегодня утром: для начала десять тысяч метров.

– А к какому сроку?

– Через три дня.

– Это невозможно, – рассердился Серра.

Нога у сеньора Ригау ныла все сильнее, а этот кретин Серра продолжал артачиться.

– Теоретически это возможно, – вкрадчиво заметил Гавальда. – Дней за пять успеем.

– Нет, за три.

– Ну пускай за три.

Потом они превратятся в пять или в семь, знал Гавальда, все в этом мире можно передвинуть и переставить, а противоречить сеньору Ригау, когда, не будь тут Серры, они уже достигли бы желанного решения, не имело смысла.

– Мадронета, ты помнишь, как еще на прошлой неделе он строил планы на лето? И собирався в августе съездить в Пучсерду, бедняжка.

– Да-да, точно, припоминаю. Как он радовался этой поездке.

– Серра, вы говорите не о производстве, а о тревоге, о политике. – Вена на шее сеньора Ригау вздулась, нога не давала покоя, а тут от нервов еще и жжение в затылке. – Вы заведуете технической частью. А я, – он ударил себя в грудь и после указал на дверь, словно давая понять, что покойный брат ничего поделывать уже не может, – я вижу общую картину. Мне как хозяину яснее все стороны дела: удобный случай, незначительный риск, быстрый доход. Меня интересует мнение всех остальных. Гавальда?

– Я согласен. Благо фабрики прежде всего. Я всецело доверяюсь нашему рулевому. – Гавальда кивнул ему, придерживая очки, и надел их, давая понять, что разговор окончен.

– Благодарю вас. Суккарратс?

– Без ложной скромности скажу, – дребезжащим голосом ответил тот, – что я провел уже полвека в этих стенах, то есть не в этих, конечно, а сами знаете в каких, и навиделся всякого.

Сеньор Ригау пока еще держал себя в руках, но Энрик Турмеда понимал, что тот вот-вот взорвется. Суккарратс безмятежно продолжал:

– И если позволите, с тех самых пор, как я, недостойный, являюсь членом совета директоров, мне никогда не приходилось видеть, чтобы покойный сеньор Франсеск, упокой Господь его душу, совершал нелепую ошибку...

– Мадрона, милая, – внезапно расчувствовалась сеньорита Ригау. – Наш бедный Франсеск еще вчера заказал себе на ужин овощное блюдо, самое полезное для его пищеварения. А теперь ты только погляди...

Сеньора Мадрона горестно покачала головой, и все на минуту затихли из уважения к усопшему.

– Отлично, Суккарратс, – взорвался наконец Ригау. – По-вашему, благоразумие прежде всего. Серра?

– Я уже все понятно объяснил, – пробурчал Серра, который не знал, куда себя деть, так как собственное мнение стало казаться ему опасным.

– Подумайте, Серра, – увещевал Гавальда. – У нас есть шанс выгодно продать то, что мертвым грузом лежит на складах, на несколько недель обеспечить фабрику работой, а вы все еще против?

– Да я... Да нет, насчет работы, конечно, я только за, и чем больше, тем лучше. Но...

– Совесть заела? – усмехнулся Гавальда.

– Ладно, согласен, – неуверенно уступил тот, немного помедлив.

– Отлично. А ты, Энрик, что скажешь?

Сеньор Ригау прекрасно знал, что Энрика Турмеду бесит, когда к нему обращаются на «ты» и по имени перед советом директоров, потому так и сказал: а ты, Энрик? По той же самой

причине он оставил Турмеду напоследок и задал ему вопрос, даже не глядя в его сторону. Энрик Турмеда проверил, идеально ли отглажена стрелка на брюках, проглотил слюну и подумал, что ему все это до лампочки, что после смерти тестя он здесь лишний, что все они жалкие подхалимы, липнувшие к дядюшке. Вот Суккарратс – единственный, у кого хватило смелости. Вдоволь работы: конечно, хорошо иметь вдоволь работы, думал он, но нельзя же ставить на карту... И к тому же, раз этот лизоблюд Гавальда голосует за, проголосую назло ему против. Или скажу, что согласен, и дело с концом, где наша не пропадала.

– Нет, – осенило его в последний момент: всегда можно будет напомнить, что я был против и все предвидел. – Нет, я думаю, что прав сеньор Суккарратс. Я согласен с тем, что говорил вначале Серра: люди озлоблены, и, если узнают, что мы за войну, – и все хором загалдели, да что вы, Турмеда, где это видано, никто войны не хочет, Энрик, – это никому не придется по вкусу.

– Мало ли что им по вкусу. – Дядюшка чувствовал себя хозяином, как в старые армейские времена. – Долг рабочих – работать, за то мы им и платим. А не задавать дурацкие вопросы.

– У нас на фабрике, – продолжал Турмеда, – есть один рабочий по имени Тонет, по прозвищу Ницета, и я, по правде сказать, не понимаю, как его до сих пор не уволили.

– И что же?

– А то, что, как только станет известно, что мы шьем обмундирование для призывников, он устроит там такую заваруху, что нам мало не покажется.

– Только что било десять, Мерсе.

– Как медленно течет время, – вздохнула почтенная дама.

И наклонила голову, вглядываясь в застывшее лицо брата, лежащего в гробу. Одна из женщин в черном предложила прочитать розарий за спасение души усопшего Франсеска. Все согласились и перешли к делу. Монотонные, вялые, унылые звуки молитвы позволили соблудности приличия, перекрыв возмутительную перепалку в соседней комнате. Мерцали и потрескивали свечи.

– Вышвырнем Ницету на улицу. – Намеки несносного Турмеды больно задели Серру.

– Зря вы берете на работу кого попало, – огрызнулся Турмеда.

– Когда человеку нужна работа, он кроток, как ягненок, сеньор Турмеда. Вы это знаете лучше других. – В голосе Серры и в общем настрое разговора чувствовалось раздражение.

Какая язва этот Энрик, думал сеньор Ригау. Все усложняет, когда решение уже принято.

– Баста! – гневно взревел он. – Я сделаю так, как советует большинство: за работу, и не о чем больше говорить. И, подумав, добавил: – Не стоит пока никого увольнять. С какой стати им знать, куда пойдет сукно.

– Что ж они, тупые? – Энрик Турмеда заканчивал свое выступление в полной уверенности, что понятно объяснил свою точку зрения на случай, если вскоре случится беда, а беды не миновать. Ведь общий призыв уже начался (хотя официально об этом и не объявлено), и чуть ли не в каждой семье кого-нибудь да должны со дня на день отправить сражаться с маврами. – Беспорядков не миновать.

Дядюшка Ригау хлопнул по кофейному столику так, что задребезжали пустые чашечки, и объявил, что, если рабочие объединяются, можем объединиться и мы. У нас больше средств. Он с трудом поднялся, опираясь на трость, и дал заключительные распоряжения:

– Мадрона, милая, не лучше ли почитать Скорбные тайны?¹⁰ – Сеньора Мадрона, которая вела розарий, ничего не имела против и начала вступительную молитву.

¹⁰ *Скорбные тайны розария* (Mysteria Dolorosa) – Молитва Иисуса в Гефсиманском саду, Бичевание Иисуса Христа, Увенчание тернием, Крестный путь, Смерть Иисуса Христа на Кресте. В обычном расписании читаются по вторникам и пятницам.

– Завтра, перед началом похорон, извещу их телеграммой о том, что мы согласны. Серра, Гавальда, будьте на фабрике с утра пораньше, и запускаем производство. А после похорон все на мануфактуру, работа не ждет, ясно?

И они молча зашагали по коридору, сперва осторожно заглянув в комнату, где лежал усопший, и беззвучно попрощавшись с бесформенными фигурами в черном, без остановки молившими скорбящую Богоматерь о спасении.

В одиннадцатом часу напротив дома Ригау не осталось ни одного экипажа. Сеньор Жулиа, новый хозяин, промаялся минут пятнадцать под бормотание молитв и отправился на боковую. За окнами, в темноте, холодало.

4

Ладони слегка подрагивали: никогда раньше Меркадер не держал в руках столько серебра. Он не знал, потратить ли все сразу или закопать поглубже в такой тайник, о котором никто, кроме него, и слыхом не слыхивал. В тот вечер он подольше просидел в таверне «У Чикоя» и заказал еще вина, но из глубины сознания какой-то голосок предупредил его, что трясти кошельком не стоит и что поблизости всегда могут оказаться болтуны и сплетники. Меркадер понимал, что с каждым шагом все глубже увязает в трясине и выбраться оттуда целым и невредимым становится все труднее.

Издалека он с завистью наблюдал, как за столом что-то обсуждают Ницета, Волк, Вере-вочка и какие-то их приятели: везет же тем, кому нечего скрывать. А у меня в поясе зашито сто дуру серебром, а в сердце опасная тайна, и мне приходится держать язык за зубами, грызть молчание и трубку, и можно разве что улыбнуться издалека Тонету по прозвищу Ницета, чтобы тот знал, что я, Меркадер, ткач первого разряда с мануфактуры Ригау, с ним заодно, даже если мы и не сидим вместе за столом и не пьем вино из одного графина.

Когда он вышел из таверны «У Чикоя», уже стемнело. Столкнувшись с Жауметом Ставнем, местным дурачком, он едва не вскрикнул от испуга и рассердился на себя самого, понимая, что спокойно жить ему теперь уже не придется. Потом остановился и вынул кисет:

– Вот тебе, Жаумет. Покури за мое здоровье.

Ставень жадно осклабился, протягивая сложенные лодочкой руки.

– Спасибо, Меркадер, – сказал он, когда увидел, что в этот раз ему отсыпали вдвое больше обычного.

Полоумный Ставень вошел в таверну, стреляя глазами, мол, посмотрим-ка, друзья-товарищи, кто будет так любезен и даст бумаги на самокрутку.

Меркадер по дороге домой улыбался, вспоминая, какой у него с утра был видок с этой бородищей. Перспектива того, что кто-нибудь из знакомых может его узнать, казалась ему хуже ареста. По крайней мере, так он думал. Наверное, потому, что даже не представлял себе, что с ним могло произойти. Домашним он решил ничего про деньги не говорить.

5

У Энрика Турмеды было любимое занятие: он забывал обо всем на свете, усаживался в кресло у очага и в одиночестве часами предавался раздумьям, лениво перебирая в голове бесконечные мысли. Свои навязчивые идеи Турмеда холил и лелеял, вскармливал и взращивал. Энрик жил в небольшом особнячке. Дом был свадебным подарком тестя, и больше всего Энрику нравилось в нем то, что он находился на почтительном расстоянии от фамильного гнезда Ригау. После свадьбы Энрик с женой обосновались в этом доме, но счастье бедной Франсины продлилось лишь два быстротечных года, за которые она едва успела привыкнуть к тому, что ее муж, невесть откуда взявшийся паренек из никому не известной семьи скромного происхождения, родом из Аранской долины¹¹, толковый и с хорошими связями, жаждет покорить полмира и уверен, что вторая половина уже у него в кармане. Отпущенного ей времени хватило, чтобы забеременеть, выносить и родить истошно вопящее дитя, которое с трудом пробило себе дорогу на свет Божий, разрывая материнское нутро. Так завершилось бременное существование бедной Франсины: она умерла от потери крови через два дня после родов, не успев прийти в себя, глядя потускневшим взором и почти не узнавая существо, ставшее причиной ее смерти. Тетушка Мерсе и сеньора Мадрона по совету повитухи взяли на себя практическую сторону вопроса и за несколько часов до смерти матери решили, что девочке нужно искать кормилицу. Они нашли Монсеррат, скорбевшую о смерти мужа и сына; грудь у нее готова была лопнуть от молока, а сердце просило забвения, и после смерти Франсины она согласилась переехать к ним. Смерть жены привела Энрика в отчаяние; он никогда не был так одинок. Почему-то ему казалось, что в ее смерти немного виноваты все вокруг. Чтя память Франсины, он решил воспитывать дочь самолично, не расставаться с ней, и не позволил родне забрать ее к себе в особняк Ригау вместе с кормилицей и всеми его воспоминаниями. Это решение окончательно испортило и без того сложные отношения Турмеды с семейством Ригау. Один только тесть, тоже переживший нечто подобное, когда его жена скончалась после рождения Франсины, понял, что творится в душе у Энрика, и безмолвно одобрил решение зятя. Без колебаний он взял молодого юриста к себе на фабрику и дал ему право голоса в совете директоров: именно это и составляло предел мечтаний Энрика. Всем он казался умелым пронырой, который во что бы то ни стало пытается пробиться наверх. Дядюшка Жулиа, который во всем, что касалось Турмеды, был на стороне Мерсе, презрительно кривился. А тесть, сам оставшийся безутешным вдовцом, понимал, какой путь предстоит пройти Энрику, и полностью его поддерживал.

В неуклонном исполнении родительского долга Энрику способствовала Монсеррат, которая из кормилицы сделалась няней и помощницей по хозяйству. Когда же Аделе исполнилось семь лет, Энрик понял, что совершенно не умеет поддерживать разговор с дочерью и видится с ней крайне редко, хотя ее присутствие и подчиняет их жизнь определенному ритму. Осознал Турмеда это внезапно, сидя как-то под вечер у очага. Адела чуждалась отца, глядела исподлобья, и сам он ничего о ней не знал, словно все усилия пропали втуне. Кое-что ему было-таки известно: без сомнения, дочь терпеть не могла ходить в гости в особняк Ригау – хорошее воспитание обязывало к еженедельному его посещению, – и, по всей видимости, легко ей было только с дедушкой Франеском, хотя и дядюшка, и тетюшка бросались ей навстречу – красавица наша, принцесса! – как хищные птицы. Энрик Турмеда всеми силами пытался чем-нибудь

¹¹ *Аранская долина* (Валь д'Аран) – уникальная в административном отношении территориальная единица Каталонии (в настоящее время рассматриваемая как окситанская национальная структура) на северо-западе от провинции Лерида. Доступ в эту отдаленную долину Пиренеев в начале XX века из Каталонии был крайне затруднен, и большинство местного населения говорило на аранском (окситанском) языке. В Аранской долине были значительно развиты горнодобывающая промышленность (в частности, добыча цинка), а также скотоводство и отчасти земледелие.

заинтересовать дикарку, но ничего не достиг. Маленькая Адела пряталась за спину Монсеррат и бродила по дому, словно носила за плечами свой особый мир. Энрик тревожился, понимая, что ребенок не может всю жизнь провести в четырех стенах. Втайне посоветовавшись с тестем, он, к вящему ужасу дядюшки Жулиа, тетушки Мерсе и сеньоры Мадроны, в дружеских беседах с которой Мерсе уже тогда изливала любое горе в жизни, поручил дальнейшее образование дочери монахиням-кармелиткам, чья школа, расположенная за городом, в окружении сада, заслужила солидную репутацию среди отягощенных потомством промышленников. Полный пансион. Все нужно делать блестяще или не делать совсем. Для достижения своих целей он вошел в попечительский совет и взял на себя расходы по обучению и содержанию двух других учениц, девочек из бедных семей. Монахини его боготворили: несчастный сеньор Турмеда, так рано овдовевший, несомненно казался им святым человеком, и они втихомолку баловали его дочь, незаметно окружая ее заботой. Энрик всегда признавал, сидя в одиночестве у очага, что, как ни крути, следует быть благодарным тестю за мудрые советы.

С тех пор как Энрик Турмеда отправил Аделу учиться в школу на полный пансион, Жулиа и Мерсе Ригау перестали с ним разговаривать. Из обыкновенного чужака, косвенно виновного в смерти Франсины, он стал непорядочным человеком, безответственным отцом, недостойным семьи Ригау. Раньше они терпели его присутствие из уважения к Франсеску и из-за деточки. Однако теперь и слышать о нем не хотели. С особенным пылом откровенничалась от него сеньорита Мерсе Ригау, ибо ее верная подруга Мадрона – тоже, можно сказать, вдова – нашептывала ей на ушко, что вдовец должен уметь исполнять свой долг, а не бесстыдно увиливать от него, бедная малышка, всего семи лет от роду и уже вдали от родных.

Для самого же Энрика это решило все проблемы. Дочь он пристроил туда, где она получит приличное образование, и больше не чувствовал себя при ней неловко. По воскресеньям Турмеда ее навещал и водил на прогулку, а в остальные дни недели был совершенно свободен. Монсеррат он оставил у себя и задался вопросом, чего еще можно желать в этой жизни. Горестное воспоминание о Франсине терялось в тумане прожитых лет, и Энрику казалось, что быстротечная молодость проходит. Тогда он нанял Солера, сообразительного помощника, который был ему за кучера, за конюха и в некотором смысле за секретаря. Без малейшей необходимости. Мерсе Ригау тщательно изучила все обстоятельства дела и заключила, что ее полоумный зятек вконец потерял рассудок; ты только посмотри, Мадрона, зачем он нанял себе еще человека, как будто ему мало одной Монсеррат, строит из себя важную птицу, столько слуг, и все для него. Другое дело, если бы дом был большой, как, скажем, наш. А Мадрона проконсультировалась у отца Висенса, не сошел ли Энрик с ума, но священник предпочел остаться в стороне, так как с позиции здравого смысла, сеньора, в том, что вы мне говорите, я ничего предосудительного не вижу. Где он его откопал, недоумевал дядюшка Жулиа, поделился сомнениями с братом, но тот перевел разговор на другую тему, как делал всегда, когда кто-то зудел ему в ухо о прегрешениях Энрика.

Бревно в очаге весело пылало, и Энрик отодвинул его в уголок, чтобы оно горело помедленнее; сильно растапливать камин не хотелось, потому что мысли его лучше текли при виде тлеющих углей, чем у полыхающего огня. Время незаметно шло и покрывало морщинами кожу старших Ригау и Энрика Турмеды. Неприязнь Жулиа усиливалась при каждом незначительном событии, и Энрик все чаще и чаще проводил время за разговорами в Клубе или с какими угодно знакомыми, которые могли помочь ему забыть о немилосердном присутствии дядюшки на фабрике.

Бывали, однако, и такие времена, когда он избегал общества и запирался в четырех стенах дома, где присутствие Монсеррат сглаживало терпкий вкус одиночества, который делает его непереносимым. И вот однажды под вечер, когда в воздухе чувствовалось напряжение летней грозы, как только Монсеррат убрала со стола, он попросил ее не уходить, а остаться в столовой. Усадил в кресло напротив, отвел взгляд и начал: «Видишь ли, Монсеррат...» Женщина сидела

неподвижно, сложив руки на коленях, глядя, как играют язычки пламени в очаге, не решаясь взглянуть на него, и думала, давай, давай, но молчала. Они оба затихли минут на пять или на десять, и в конце концов Энрик Турмеда в растерянности, никак не решаясь, проговорил низким прерывистым голосом: мне что-то нездоровится, пойду-ка я спать, спокойной ночи, Монсеррат. Она направилась в свою комнату на верхнем этаже, доброй ночи, теща себя тайной надеждой: и ей приходили подобные мысли, но не хватило бы духу. Положение было щекотливое, игра с огнем могла для нее кончиться плачевно; и все же она понимала, что молодому человеку такие вещи необходимы, что молодой мужчина так жить не может, и месяц за месяцем, год за годом терпеливо ждала. И сам Энрик тоже думал не раз, и не два, и не три, а сто раз задавался вопросом, а не решиться ли на это. Оставшись один, он внезапно разозлился и вне себя решил: или сейчас, или никогда – по всему видно, она не против. Турмеда тихо поднялся по темной лестнице к слабому свету, струившемуся из комнаты на третьем этаже. За полуоткрытой дверью виднелась масляная лампа на ночном столике и полуобнаженная Монсеррат. Не успел он подумать, почему дверь не заперта, как оказался на пороге. Монсеррат, уже без юбок, была плотно обхвачена широким корсетом телесного цвета. «Будь что будет», – решил Энрик Турмеда. Он расстегнул и сбросил брюки. Все долгие месяцы разумного воздержания скользнули по его телу, как старая, ненужная кожа, и были скинуты на пол. Монсеррат расшнуровала туго стянувший ее пояс, и при виде этого буйства плоти на Турмеду накатила волна неукротимого желания. Он ощущал, как член твердеет, и не мог отвести глаз. Скрываясь в полутемном коридоре, мужчина наблюдал за колыханием телес. Монсеррат присела на постель так, что взору Энрика открывалась пышная грудь. Рука Турмеды сжала разгоряченный член. Почти в исступлении он сорвал с себя сорочку. Монсеррат услышала шорох и стала озираться, делая вид, что испугана.

– Кто там? Кто это? – спросила она, вглядываясь в сумерки коридора.

И слегка вскрикнула для приличия, угадывая там Энрика Турмеду – смехотворного, путающегося в наспех сброшенной одежде, распаленного желанием. Не скрывая наготы, задыхаясь, она с силой захлопнула дверь; тысячи картин одновременно представлялись ей. В дверь заколотили.

– Открой, Монсеррат! Открой, тебе говорят!

Внезапно очутившийся во тьме Энрик не мог вынести подобного унижения. В припадке гнева, не в состоянии осознать, в каком он виде, раздетый догола мужчина бил кулаками по дубовой двери, бесстыдно обнажив готовое выстрелить орудие похоти и мести. Монсеррат дрожала всем телом, горя желанием и не смея двинуться с места. И для нее не бесследно прошли долгие месяцы сомнений и надежд. Ей думалось, что жизнь непростая штука, а стукотня, наверное, разбудила уже полгорода. Пора было с этим покончить: она распахнула дверь и дрожащим голосом задала бессмысленный вопрос:

– Чего изволите?

Энрик шагнул раз-два, ухватился за полные груди и навалился на нее всем телом – отчасти для того, чтобы себя обезопасить, отчасти потому, что ей того хотелось. Монсеррат нащупала член и сжала его обеими руками.

– Я не хочу забеременеть, сеньор Турмеда.

Дальнейших объяснений не понадобилось: после бесконечного ожидания плоть взяла свое. Они упали на пол, радуясь прохладе каменных плит; соитие было яростным, слышалось только порывистое дыхание. Монсеррат, чрезвычайно обеспокоенная вопросом предохранения, вела непрерывное наблюдение за детородным органом, в мыслях о котором провела столько бессонных ночей, а посему не выпускала его из рук и со слезами ласкала. Они утолили свой голод в тишине, не глядя друг другу в глаза, свершили таинство, которого оба, чего уж говорить, так долго жаждали; и в четверть первого она выпроводила его из своей спальни, не говоря ни слова. Ни он, ни она не заметили, что за все это время ни разу не поцеловались.

Бессонной ночью, лежа в постели, Монсеррат думала о том, что многое теперь изменилось и нужно действовать поосторожнее, потому что лучше всего сделать так, чтобы все оставалось по-прежнему.

С той ночи его волнение утихло: канат был разрублен, их больше не кидало из стороны в сторону, и втайне от всех, за закрытыми дверями, оба могли дать напряжению выход и бесстыдно предаваться плотским утехам, утолять постоянную жажду. И вновь наступала полночь, и Монсеррат стояла обнаженная на ступенях ведущей к ней в комнату лестницы, а Энрик бросался на любовницу, требуя, чтобы та побаловала его, и Монсеррат ласкала набухший член или ерошила прилизанные, тщательно причесанные волосы, в порыве страсти их разлохмачивая. Никто и никогда в жизни не видел таким сеньора Турмеду, всегда щеголявшего аккуратным набриолиненным пробором. И Монсеррат стояла обнаженная на кухне, а Энрик подбирался к ней сзади, и Монсеррат стояла обнаженная в любом уголке дома, стирая из его памяти изветшалое воспоминание о Франсине, а он преследовал ее и был счастлив, что не мучается мыслью о лице Франсины, – счастлив своей тайной и тем, как ужаснулись бы все, если бы узнали. Долгий месяц он провел в упоении новой страсти, когда каждый день любовники открывали друг в друге что-то новое, но мало-помалу Энрику незаметно прискучило безудержное вожделение, с которым оба предавались влечению, не глядя в глаза, не целуясь и переговариваясь одними жестами. Тогда сеньор Турмеда стал грезить о новой, более высокой любви, которая даст ему возможность быть мечтательным и щедрым, не ограничиваясь влечениями плоти, и тут незаменимым помощником оказался Солер. Истинный знаток городских, областных и даже столичных развлечений, по ночам он часто направлял духовные искания своего хозяина в заведение «У Маньяны» у горного перевала Монкады, куда гнал коня галопом через тьму, за что Энрик был бесконечно благодарен молчаливому слуге, так хорошо знавшему свет. В первый же день он встретил там Тинетту, изящную даму с благородной осанкой, понял, что таких женщин на свете единицы, и стал ездить к ней каждую неделю, позволяя ей себя любить, строя воздушные замки, потому что эта красавица была способна заставить его заново родиться одним движением мизинца, проникновенным взглядом в полумраке. Тинетта, шептал он, я от тебя без ума, будь навеки моей, Тинетта, а она делала вид, что не расслышала, и нежно гладила его по голове, улыбалась и проводила пальчиком по возбужденному телу Энрика, и отвечала, не говори глупостей, Жуан, а то раскаешься. И Энрик изумлялся ее хладнокровию, не в силах уяснить, что для нее эта беседа повторялась семь раз в неделю, а то и больше. Тинетта, гибкая, белокожая, легкое дыхание Тинетты. А Монсеррат помалкивала, потому что вылазки хозяина были не ее ума делом. И с удвоенной страстью отдавалась ему, когда наступал ее черед.

Единственными отдушинами в уединении Энрика были поездки к Тинетте по четвергам и жаркие объятия Монсеррат. Ни в ком, кроме тестя, поддержки он не встречал. Турмеде было приятно доверие, которое этот человек оказывал ему; Энрик к этому привык и уже думал, что, если жизнь пойдет своим чередом, он мало-помалу превратится в отличного преемника хозяина. Однако черствый дядюшка Жулиа и его сестра, с кислой миной присутствующая в отдалении, ясно давали ему понять, что эти мечтания никогда не сбудутся и останутся такими же воздушными замками, как и все остальные. Никогда, ни под каким видом дядюшка Жулиа не позволит чужаку себя обойти. Ни за что. В завещании тестя черным по белому значилась договоренность, которую братья вырабатывали долго и упорно: главная роль в руководстве фабрикой переходила к Жулиа, которому, как новому главе семьи, поручалось принятие всех важнейших решений. Кстати, уже со вчерашнего вечера, с тех пор как зловещая богиня Парка передала ему бразды правления, Жулиа Ригау принял еще одно решение, помимо производства шинельного сукна: заявить Энрику, что хватит работать вполсилы, ни за что и ни перед кем не отвечая, и пора подумать о будущем. Положение Турмеды было шатким. Оставшись один, он с легкостью признавался себе самому, что завидует дядюшке, его уверенности, с которой тот смотрел в будущее. Ах, Тинетта, любовь моя.

Хотя, с другой стороны, кто знает: если вынуть на свет божий филиппинские бумаги... Это, конечно, палка о двух концах, и притом сучковатая, но все же... Что бы ни случилось, в один прекрасный день все его желания исполнятся: он моложе дяди и, спеша жить, умеет ждать. Ему было жутковато думать, что на смертном одре дядюшка из чистой ненависти, при поддержке гадюки-сестры, может неожиданно изменить завещание и оставить его, Энрика, с носом. Он понимал, что сдерживало их неприязнь к нему только одно: существование Аделы. Огонь неслышно догорал в очаге, язычков пламени уже не было, полуночный город молчал. У очага Турмеда часто забывал обо всем на свете, садился в кресло и уносился мыслями вдаль: так он отдыхал, ведь не нужно было ни во что рядиться или скрывать злобу, – что ни говори, на себя самого у него пока что вполне хватало терпения.

6

Послышался гудок, и массивные железные ворота мануфактуры Ригау открылись. Через несколько минут из них уже лился поток мужчин и женщин: они болтали, громко спорили и, выйдя на ровное место, разбивались на группы, которые понемногу расходились – большинство по улицам, ведущим в центр. Солнце повернулось к фабрике спиной и уже позевывало. Вскоре на мануфактуре никто уже не кричал, и тишина поудобнее устраивалась в пустых цехах одновременно с сумерками. Пеп, ночной сторож, начинавший смену по гудку, заступал на работу. Он издали кивнул привратнику Феррану – они друг друга недолюбливали и старались избегать – и направился в котельную, где была у него устроена штаб-квартира. Спустил с цепи Скелета, который, как только почуял его, уже принялся возбужденно бегать туда-сюда, дергая цепь: для пса наступал час свободы передвижений. В пятнадцать минут восьмого привратник закрывал ворота и шел к зданию конторы, где уборщицы, вооружившись тряпками, ветошью и смертной скукой, день за днем размазывали прилипшую грязь. Обычно он останавливался там на несколько минут и болтал с ними, пока ему не пора было идти домой, где-то в полвосьмого. Каждый день к восьми часам на фабрике не оставалось никого, кроме сторожа, его пса и боязни недоброй встречи. Привратник с женой жили в домике возле фабрики, но за пределами ее территории. Пеп часто жаловался, что, как только последний рабочий выходит из ворот, Ферран тут же отправляется восвояси, закрывает ворота и даже не прощается. И все фабричные корпуса, бесчисленные груды сукна, станки и документы остаются под его, Пепы, охраной. Все на них со Скелетом.

Захлопнулись железные ворота, сторож всегда отлично слышал этот звук, и начался первый из пяти обходов, которые он обязан был делать каждый божий вечер – он, а с ним Скелет, он, а за ним страх. Пеп никогда не признавался никому, даже жене, которая уже умерла, бедняжка, что, как только он оставался один, ему становилось очень страшно и, если бы не Скелет, он давно бы попросился на другую работу. Никаких происшествий, конечно, не ожидалось. Происшествий на мануфактуре Ригау не было никогда, но вся эта тишина и тьма встают комом в горле и, если ты их не проглотил, задевают больную струну страха.

* * *

В тот вечер, выйдя из ворот мануфактуры, Меркадер, как почти все мужчины, заглянул в таверну «У Чикоя» разведать, что да как. Он обычно закуривал трубку, дожидаясь, пока ему поднесут рюмочку, а потом продвигался к столу, за которым Тонет Кабот по прозвищу Ницета ораторствовал перед тремя или четырьмя слушателями. Меркадера привлекал этот человек: он умел выражать мысли словами и понятно объяснять их даже совсем незнакомым людям. Сам Меркадер тоже думал, но оставлял свои глупости при себе и пережевывал их часами, а после от них оставалась горечь во рту. Тогда он устало сплевывал, будь то хоть возле станка, хоть в четырех шагах от управляющего. К тому же Ницета имел особый дар: он выражал словами именно те вещи, которые думались и самому Меркадеру. За это Меркадер им восхищался и, наверное, был бы готов сделать что угодно, если это задумал Ницета. Он не ошибся: говорили они все о том же. О том, что всем осточертело. Сегодня он подсел поближе, не здороваясь, и с жадностью стал посасывать потемневшую трубку. Из-под вислых усов Ницета говорил, что приближается война, вполголоса, будто боялся привлечь внимание слишком многих, но с жаром, и к нему нельзя было не прислушаться.

– Мы оказались в том же положении, что и двенадцать лет назад.

– Я ничего не помню о том, что было двенадцать лет назад.

– В том-то и беда наша, друг Агусте. Ну ничего, я тебе напомню. – Он уселся поудобнее, отхлебнул из кувшина и начал заготовленную речь. – Правительство говорит о войне, армия ее организует. Отлично. А кому за все приходится платить? Рабочему классу, товарищи-братья. – Нишета повысил голос, и на него обратили внимание сидящие за соседними столиками, прервали разговоры и стали слушать речь. – Мы не можем позволить, чтобы на нас взвалили всю тяжесть войны. Вот смотри, ты, этот, как его, Агусте, – оратор гневно указал на собутыльника, – сколько сыновей промышленников, – тут он ткнул пальцем в сторону фабрики, – послали на войну? Ни единого человека. Есть люди, которые могут откупиться от воинской повинности, и всё тут, и не о чем больше толковать. Так было, есть и будет.

Тут привалившийся к стене человек, голос которого звучал обреченно и устало, потерянно пробормотал: ну и что ты будешь делать?

– Сплотимся, братья! – последовал окончательный вывод. – А то через три дня всех нас пошлют бить мавров, черт бы их побрал.

Спор разрастался. Одни были полностью согласны с тем, что сказал Нишета. Другие недоверчиво хмурились (этот тип хочет устроить бучу, знаем мы его), но слушали все. И для пущей ясности раздались два или три довода о том, что некоторые наши родственники или мы сами, здесь сидящие, на следующей неделе уже отчалим в Африку.

– Зачем они нам сдались, эти мавры? – спросил Меркадер, который до этого молчал и очень внимательно слушал. А Нишета ответил, уверяю тебя, они нам не нужны. И какой-то зевака заметил, это государственное дело, а люди хором откликнулись, не дело это, а чушь собачья. Нишета поднял палец и объявил, все это ложь. Меркадер умоляюще взглянул на Тонета, чтобы тот получше объяснил, что имеет в виду: сам он понять не мог, хотя думал об этом уже много дней.

– Товарищи, нас посылают на самое грязное дело.

Все притихли. Даже сам Чикой, хозяин таверны, стоявший за стойкой бара, с интересом следил за разговором, беспокойно поглядывая на дверь, не вломится ли полиция: *vamos, a sus casas, coño, tanto revoloteo, joder*¹²; никогда не знаешь, что может случиться, когда люди в таком напряжении, и Тонет по прозвищу Нишета склонился к столу и заговорил тише, нас посылают на войну, и мне это доподлинно известно, потому что мавры захватили шахты. И вроде как задели нашу честь. А шахты эти не наши.

– И честь эта не наша, – вторил Меркадер, глядя ему прямо в глаза, и вот ведь всегда найдутся люди, которые не умеют слушать, потому что раздались голоса: шахты государственные и честь тоже государственная, и Нишета в ярости вскричал, шиш вам с маслом государственный! На этих шахтах наживаются четверо буржуев, которые хотят продолжать жиреть, как прежде: Комильяс, Гюэль¹³ и их клика. И некоторые откликнулись, да-да, я слышал, что об этих людях идут разговоры, и Нишета, не отступая ни на шаг, продолжал: ни правительство, ни король не заинтересованы в том, чтобы ссориться с этими буржуями; так вот, маркиз желает, чтобы охраняли его шахты, а они: мы пришлем вам солдат, сеньор маркиз. Ну как?

Меркадер задумчиво посасывал трубку, да-да, я так и думал, да, так я себе это и представлял, и что же нам делать, Тонет?

Тогда Тонет Нишета поведал им, необходимо протестовать, братья. Это касается каждого из нас, и наши голоса должны быть услышаны. А еще он объяснил им, что пора действовать, товарищи.

Они заговорили о профсоюзах, о том, что бороться в одиночку, братья, смерти подобно, а Меркадеру хотелось отвести Нишету в сторонку и сказать ему, Тонет, скажи мне, что еще

¹² А ну, все по домам, черт вас дерит, бунтовщики хреновы (исп.).

¹³ Маркиз де Комильяс и граф де Гюэль – ведущие представители крупной барселонской буржуазии, имевшие финансовые и коммерческие интересы в колониях и получившие дворянские титулы.

я могу сделать, я на все готов; но он не решался спросить. Потом перешли на социалистов, по словам Тонета уже организованных, а Волк и Веревочка объясняли, что радикальные элементы заметнее, и Ницета презрительно поморщился, радикальные элементы не знают, чего хотят, они не настоящие революционеры, и тут же раскаялся, что упомянул о революционерах, потому что революции все боятся, и понемногу перевел разговор на другую тему, я в воскресенье уезжаю в Барселону, встречаюсь там с товарищами, главное сплотиться, а когда увидел, что люди волнуются, потому что уже девять, завтра рано вставать, а никто еще не ужинал, распрощался с собеседниками и остался лицом к лицу с тихо и неподвижно стоявшим Меркадером, рубахой-парнем и отличным кадром, который ничего не понимал в стратегии и думал, что у Тонета разумные идеи и говорит он красиво.

7

Полуночным гостям заведение «У Маньяны» гарантировало уединение и покой. Располагалось оно в каких-то двухстах метрах от дороги на Монкаду и было единственным заведением в своем роде. Снаружи напоминало неприметный отель для проезжающих, где цены высокие, а клиентов мало. Все извозчики, гонявшие день за днем по большой дороге с грузами ниток или тканей, поглядывали на здание, полускрытое раскидистыми кронами двух вечнозеленых дубов¹⁴, с уважением и завистью, поскольку про «Маньяну» ходили самые невероятные слухи, а воображение у лихачей было неистощимое, особенно по части пикантных подробностей. К тому же поговаривали, что это место было любовным гнездышком Шопена после его отъезда с Майорки, что отъявленные негодяи замыслили там гнуснейшие в истории человечества преступления и что там подают отличное вино. Однако те немногие, кто знал, что на самом деле происходит в «Маньяне», предпочитали держать язык за зубами.

Поездка в двуколке рысью была для сеньора Турмеда приятной и успокоительной и помогала забыть тревоги и заботы. Пользуясь тем, что они только что отвезли Аделу в пансион, а стало быть, уже очутились за городом, он приказал Солеру направиться к «Маньяне». Ехать по тихой дороге, освещенной огромной луной, было легко. Они оставили огни Сабаделя слева и свернули на дорогу к Монкаде: конь нетерпеливо цокал копытами, словно рвался поскорее прибыть на место.

Было около девяти вечера, когда двуколка остановилась под дубами, где дремали еще шесть или семь экипажей. Энрик Турмеда убедился, что поблизости никого нет, и направился к входной двери. Звук колокольчика пробудил в его сердце все воспоминания о «Маньяне», ночи за ночами с противоречивым послевкусием: и горьким, потому что даже развлекался он один и не имел друзей, и сладким благодаря Тинетте.

Его вывел из задумчивости приторный аромат духов самой сеньоры Кандиды, которая из соображений порядка и разумного управления домом принимала клиентов лично.

– Добрый вечер, сеньор Каррерас! Мы вас ждали!

– Добрый вечер, добрый вечер. Как поживаете?

По дороге в одну из гостиных они обменивались несвязными фразами, в которых выражалась огромная радость видеть его снова, я бы обязательно приехал пораньше, но как тут быть, дела, дела.

¹⁴ Имеется в виду каменный дуб (*Quercus ilex*) – вечнозеленое дерево, широко распространенное в Средиземноморье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.